

Николай ЕРЕМЕНКО:

«Я ходил по горячим следам ПУШКИНА»

— Скажи, что значит книга в твоей жизни? Когда ты приходишь к чтению?

— Знаешь, я рос в семье, где было мало мебели (да и откуда ей взяться при нищенской зарплате моих родителей, в то время начинающих артистов?), но тем не менее была приличная библиотека. Не очень большая, но тщательно подобранная. Жюль Верн, Джек Лондон, русская классика... Я долго не прикасался к этому богатству — рос, скажем так, живым, подвижным, бойким мальчишкой. Но прошло время, я дозрел до возраста, когда меня потянуло к книгам. Читал запоем, ночи напролет. Так с тех пор любовь к книге и осталась. Это стихи можно писать в юности, а потом бросить. А привычка к чтению — это уже на всю жизнь. Как потребность чистить зубы, прости уж за сравнение.

Другое дело, что в последние годы читать я стал меньше. Но это не только моя личная потеря. Время наступило такое, что трудно сосредоточиться, а тем более «остановиться, оглянуться», как призвала одна популярная лет двадцать назад книга. Тебя сегодня куда-то несет, уносит, ты поневоле становишься суетным и поверхностным. Эту поверхностность я и в себе ощущаю, и в других. Когда, например, людей почему-то волнует, какие ты трусы носишь, на какой машине ездешь, и совсем не интересуется, какие книги читаешь. И если я опять начну сегодня, как в юности, читать запоем, то ведь поделиться прочитанным будет не с кем. Это раньше все обсуждали, что напечатал «Новый мир», чем удивили «Звезда» или «Юность», а сегодня это мало кого интересует. Спасибо вашему «Труду», что вы открыли на своих страницах «Книжный клуб». Это окошко в мир литературы, в которое я иногда с удовольствием заглядываю.

— Своей любви к книгам ты во многом обязан своим родителям. А ты сам вкусы, литературные пристрастия своей дочери как-то формировал?

— Она уже из другой, телевизионной эры. Хотя книг в доме, как видишь, много. Здесь и художественная литература, и поэзия, и книги по искусству... Дочь училась в школе с английским уклоном, времени на чтение было не так уж много. Так что ее вкусы формировались во многом стихийно. Что юные девушки читают во все времена? Что-то о красивых чувствах, романтических приключениях.

— «Красное и черное» Стендаля она прочитала или ограничилась фильмом с твоим участием?

— Думаю (смеется), что фильмом ограничилась. Хотя, не исключено, и роман прочитала. Вон сколько разных изданий Стендаля на полке, в том числе и на французском языке. Жаль, сию минуту уточнить у Оли нельзя: два меся-

ца, как вышла замуж и переехала жить к мужу. Но вообще-то я точно знаю, что экранизация не убивает интерес к книге. Сразу после Герасимовского фильма роман Стендаля, я помню, переиздали три или четыре раза — настолько вырос интерес к первоисточнику.

— Сейчас времена другие, поэтому издают и переиздают «Дикую Розу», «Богатые тоже плачут»... Причем зачастую это не литературные первоисточники, а запись по готовому фильму, убогие попытки продолжения сюжета.

— Можешь считать, что это анекдот, но я видел своими глазами книгу «Пираты XX века», хотя фильм был создан шестнадцать лет назад по оригинальному сценарию. Никогда не думал, что на этом можно делать бизнес.

— Коль мы заговорили о кино, то скажи, где тебе легче было играть: в экранизации классики или в фильмах по оригинальным сценариям?

— Наверное, в экранизациях все-таки сниматься легче. Писателем уже проложено русло, по которому ты волей-неволей должен двигаться. Это избавляет от многих мучительных, зачастую бесплодных поисков. Но здесь подстерегает трудность другого рода: не впасть в грех плоского иллюстрирования. Как учит опыт, сыграть в точности так, как написано у классика, не получается. Надо прочитать книгу и... ее забыть. И идти в дальнейшем от себя — от своих чувств, от интуиции. Я во всяком случае поступал так. И это, как собака, вывело меня на правильную дорогу.

— Но вернемся к литературе. Что из прочитанного в последнее время произвело на тебя наиболее сильное впечатление?

— «Мартовские Иды» и «Девятый март» Торнтон Уайлдера, изданные у нас в стране с опозданием на сорок лет. Читал — и зримо, чувственно воспринимал написанное. Это настоящая литература, до которой, повторяюсь, руки доходят не так уж и часто. А так позволяю иногда себя детективом побаловать, мистикой. Сейчас вот читаю Дина Кунца — очень модного, много издаваемого у нас писателя. Это, конечно, беллетристика, но не бульварного, а довольно приличного уровня. Словом, подходящее чтение на ночь. Чтобы отключиться от забот и треволнений прошедшего дня.

— А из постоянных литературных пристрастий что можешь назвать?

— Люблю историческую, мемуарную, биографическую литературу. Сейчас вот вернулся из города Александрова, известного тем, что в местном монастыре бывал, и порою подолгу, Иван Грозный. Мне подарили там написанную еще до революции и недавно переизданную книгу об этом самом жесто-

ком русском царе. Ее я обязательно прочитаю — это «моя» литература.

Помню, какое колоссальное впечатление произвела на меня книга «Пушкин в письмах», на страницах которой не было самого поэта, а были только посвященные ему, его личности выдержки из чужих писем. Но они были так талантливо «смонтированы», они давали такой простор воображению, что образ нашего национального гения буквально предстал перед глазами. По счастливой случайности, вскоре после прочтения этой удивительной книги я оказался в Питере. Так вот, я обошел все места, описанные в ней, я заглядывал во дворы, прилегающие к улицам, по которым ходил поэт, метр за метром исследовал Мойку, побывал на Черной речке... Мне казалось, я ходил по горячим следам Пушкина.

Александр Сергеевич, как ты уже догадался, — моя постоянная любовь. А еще Лев Толстой, к которому меня пристрастил мой учитель Сергей Аполлинариевич Герасимов. Читаю и перечитываю дневники Льва Николаевича — всякий раз нахожу там много глубокого, мудрого, современно звучащего.

К слову говоря, Толстой как-то написал, что нормальному человеку достаточно прочитать одну настоящую книгу. Но не уточнил, какую именно. Вот я и ищу эту книгу. Сдается мне, что буду искать еще долго...

Вел беседу
Леонид ПАВЛЮЧИК.
Фото Владимира ШУБЫ.